

РАДИКАЛЬНАЯ НАУКА. СПОСОБНЫ ЛИ УЧЕННЫЕ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОТЕСТ?

Антоновский Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: antonovski@hotmail.com

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник.
Институт социологии РАН.
Российская Федерация,
117218, г. Москва, ул.
Кржижановского, д. 24/35, к. 5;
e-mail: raisabarash@gmail.com

В статье выявляются несколько типов новообразующегося протестного движения, кристаллизующегося вокруг тем автономии и защиты собственных интересов и перспектив научной системы коммуникации. Это доказывает тезис о том, что по крайней мере является **возможным такой тип коммуникации**, который бы одновременно ориентировался и на когнитивную, и на нормативную установку в наблюдении реальности. Обосновывается, что такой тип коммуникации относительно стабильно воспроизводится и может претендовать на статус нарождающейся коммуникативной макро-системы. Это обстоятельство мы можем охарактеризовать как практическое разрешение парадоксов Мертон и Поппера, которые – теоретически – указывали на несовместимость двух противоположных притязаний: с одной стороны, быть лучшим наблюдателем или институтом познания, а с другой стороны, предлагать лучшие образцы (ценности, нормы) социального согласия и общественного устройства.

Ключевые слова: наука, протест, Поппер, Мертон, парадокс, ценности, наблюдение, научная коммуникация

RADICAL SCIENCE. ARE THE SCIENTISTS CAPABLE OF SOCIAL PROTEST?

Alexander Yu. Antonovskiy – DSc in Philosophy, leading research fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240, Russian
Federation;
e-mail: antonovski@hotmail.com

The authors identify several types of the new forms of protest movement that are discussed within the problems of autonomy of scientific system and the protection of the interests of scientists. They argue that the this type of communication shows how it is possible to combine both cognitive and normative attitude of science. The authors show the mechanisms of the reproduction of this communication and argue that it gradually turns into communicative macro system. The authors conclude that the protest movement in science could be considered as a practical resolution of the Merton – Popper paradox, which presumes the incompatibility of both cognitive attitude (impartial observation) and normative dimension (value production) of science.

Keywords: science, protest, Popper, Merton, paradox, values, observation, scientific communication

Raisa E. Barash – PhD in Political Science, senior research fellow.
Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 24/35 Krzhizhanovsky St., 117218, Moscow, Russian Federation;
e-mail: raisabarash@gmail.com

1. «Республика ученых» и коллективная истинность

Само собой разумеющимся принято считать, что ученые являются особым образом натренированными наблюдателями, способными увидеть больше обычного человека. И в утверждении результатов своих наблюдений, который они называют знанием, они претендуют на приоритет перед другими, маркируя их дополнительным индексом – истинностью, неким индикатором объективности, необходимости и коллективности. Ведь любое утверждение ученого, с его точки зрения, допускает ее проверку любым членом научного коллектива. В этом смысле поначалу представляется, что консенсус (коллективность) и истинность сопутствуют друг другу и друг без друга не существуют¹.

Кажется, что это сцепление радикально отличает науку от других сообществ, скажем, от политических объединений, в которых коллективный характер обязательных к выполнению решений еще никак не удостоверяет (конечно, с точки зрения внешнего наблюдателя) его правильность или истинность (вспомним решение афинского суда в отношении Сократа).

Это – свойственное для всех слабо дифференцированных обществ – единство коллективности/истинности, за которые отвечали политика и религия (которые, начиная со споров об инвеституре, правда, и между собой никак не могли договориться о том, кто же среди них является главным гарантом утверждения истинности и коллективности) распадается на два достаточно автономных типа общения, пользующихся разными инструментами наблюдения и, как следствие, конструирования собственной реальности.

Ученый, взбираясь на свою «башню из слоновой кости» [Никифоров, 2018; Касавин, 2018], обретает, правда, лишь с его собственной точки зрения, более высокую наблюдательную позицию. Он видит то, что недоступно другим наблюдателям, и, прежде всего, фиксирует ограниченность их сектора обзора и их зависимость от собственных

¹ Позднее это начинают аргументировать тезисом о невозможности «приватного языка» [Wittgenstein, 1978], но этот аргумент явно избыточен [Касавин, 2016].

несовершенных наблюдательных инструментов. Так, в утверждениях властителей, по мнению ученого, содержится не образ реальности, не пассивное или бесстрастное интерсубъективное переживание, индуцированное самим внешним миром, как он есть, т. е. истина. Одних пассивных «переживаний» было бы недостаточно для активации коллективной воли к действию, за которой (в противовес бесстрастности ученого) стоит партийность или интерес властителей, которые не обязаны считаться с тем, что фактически существует в реальности, но как раз исходят из отсутствия тех или иных желаемых реалий.

Единая позиция наблюдения коллективной истинности, ранее зарезервированная за политикой/религией, теперь раскалывается на перспективы активно действующих и пассивно переживающих, «практиков» и «теоретиков», «людей действия» и «людей знания» [Бараш, 2013]. Но такая «созерцательная пассивность» ученого словно компенсируется его лучшими наблюдательными ресурсами. Теперь он может сравнивать и ставить себя на место других наблюдателей (Н. Макиавелли²), он анализирует те средства наблюдения (коммуникации), которые для политиков – как и всякие инструментальные средства (как *Zuhandene* М. Хайдеггера) – рефлексии по определению не подвергаются.

Эти средства суть, прежде всего, те дистинкции, которые имеют главное ориентирующее и мотивирующее значение для участников политической коммуникации, а именно – различия в их властных статусах, которые для них самих и их карьерных перспектив значат гораздо больше, чем вызовы со стороны внешнего мира (судьбы людей и судьбы природы).

Постепенно этот внешний мир как бы передается для рассмотрения и вынесения суждений (или лучше сказать, становится доступным) некоей выделенной когорте незаинтересованных в своих властных позициях наблюдателей, к которым политики теперь обращаются за советом, не опасаясь ученых как соперников, способных обмануть или сместить их в конкурентной борьбе. Более того, этот внешний мир как некий третейский судья, общий знаменатель или *truth-maker*, к которому имеет право обратиться за помощью любой член ученого сообщества, теперь не только подтверждает высказывания ученых, но и как объективный судья гарантирует демократическое устройство самого сообщества.

В этом смысле коллективность и консенсус снова сцепляются с истиной, но теперь уже – в перспективе наблюдения научного сообщества. Между тем постепенно приходит понимание, что и сам внешний

² Собственно именно такая свобода осцилляции между наблюдательной перспективой властителя и перспективой исследователя только и объясняет само по себе загадочное постоянное колебание взглядов Макиавелли от апологии произвола власти до утверждения чуть ли не теории разделения властей в «Государе».

мир не может быть просто призван в качестве третьей стороны, но требует тщательного прописывания процедур проверки, обоснования и контроля его третейских функций со стороны самих ученых. Для этой функции возникают экспертные сообщества, университеты, королевские общества, академии наук, ученые советы и т. д., возвращающие принципы социального контроля над областью, которая дефинитивным образом требовала минимизации такого контроля и – парадоксальным образом – уединенного размышления. На свободу теоретизации вновь накладываются ограничивающие узы – правила научного метода и научного дискурса.

Отсюда многочисленные идеи о том, что не только само истинное знание о мире есть последняя и абсолютная ценность научного дискурса, но, напротив, и сам этот дискурс (процедуры проверки и особым образом социально-регламентируемые апелляции к внешнему миру, как последнему источнику знания, как средство утверждения истинности) обладает таковой ориентирующей ценностью и поэтому может и должен служить образцом поведения и стандартом коммуникации не только для ученых, но и для других «менее продвинутых» сообществ. Отсюда – возрожденческо-просвещенческая идея *Respublica literaria* с собственными принцами и «генеральными прокурорами» и преимущественно письменным языком коммуникации [Miller, 2000].

Эта идея дожила до нашего времени. Так, в XIX в. в систематической форме идею «научного союза» как некоего образцового способа коммуникации и нового интегратора все более дифференцирующегося общества разрабатывает, к примеру, Ф. Шлейермахер³. А в XX в. вопрос о том, как лучше научить общество жить по правилам ученых, принимает теоретическую форму особой дилеммы разрыва/континуальности (или либерализма/коммунитаризма) в отношении общества и науки.

Одни (среди которых М. Вебер, А. Уайтхед, П. Сорокин) полагают науку в качестве выделенного наблюдателя, в своих суждениях критически и даже негативно относящегося к нормам и ценностям остальных сообществ, которые они могут до известной степени преобразовать, «переучить» или «вылечить» от их дефицита наблюдательности и внимания в соответствии с собственными когнитивными нормами и целями.

Другие (Дж. Дьюи, О. Нейрат, Дж. Бернал, а в России – Б. Гессен, Н. Бухарин) утверждали прямо противоположную причинно-следственную связь. Наука-де и сама должна подчиняться обществу, поскольку выражает общественные, а не какие-то собственные или

³ «Напротив, нигде, кроме научного дела, так глубоко не проявляется сообщество, в котором должны состоять государства?» [Шлейермахер, 2018; Антоновский, 2018].

автономные потребности: «Всякая наука, какую ни возьми, вырастает из потребностей общества... Никто не подсчитывает числа мух на окне или воробьев на улице, а рогатый скот – считают» [Бухарин, 1928, с. 7].

2. Парадоксы Р. Мертон и К. Поппера

Парадоксально, но именно в попытке как-то формализовать коммуникативные преимущества этоса науки⁴ с помощью либеральной аргументации (и тем самым обосновать автономию науки от общественного контроля над ней) эта дилемма *либерализма/коммунитаризма* вообще утратила свою определенность. Ведь возникает вопрос о том, насколько априорны или контингентны провозглашаемые Мертоном нормы научной коммуникации?

Конечно, наука в своей саморефлексии формулирует притязание на создание невиданного фундамента общественного согласия и акцептации ее коммуникативных предложений: ведь они универсальны, непартийны, недогматичны, объективны, не маскируют и зачастую демаскируют личные и коллективные интересы. Любой запрос на контакт на этом фундаменте, кажется, можно принимать без особого риска. Но, спрашивается, должны ли эти установки стать базовыми ценностями либерального общества в дополнение к традиционным ценностям свободы, справедливости, равенства и демократии?

В таком случае активность исследователей должна была бы подчиняться ценностным ограничениям, *запрещающим рефлексию и сомнение* в нормах научной коммуникации. А чем в таком случае наука отличалась бы от столь же нерефлексивной активности других сообществ, интегрируемых посредством не критически акцептируемых норм и ценностей? Этот научный этос, если только признавать его действительный авторитет и значение, должен иметь для науки такое же традиционное, а значит – ценностно-сакральное значение. И в этом смысле все процедуры инклюзии в научное сообщество (защиты, экзамены, присвоения званий и т. д.) в своей ритуальности

⁴ Этос науки Р. Мертона давал зеркально-негативное отражение нормативности политического сообщества и может быть презентирован в виде следующих дилемм: научная рациональность/политический популизм; горизонтальность и децентрализация научной коммуникации/централизованный социальный контроль; научный универсализм суждений /политическая партиципативность (патриотизм, партийность и т. д.); **организованный научный скептицизм/политически насаждаемая идеология**; коммунистическое распределение результатов исследований/политическая гарантия частной собственности на материальные блага; плюралистическая (неназначаемая) научная репутация/политический авторитаризм (авторитет назначаемых на должности) [Merton, 1973, p. 267–278].

мало отличаются от традиционных инициаций, сопровождающих все – столь рискованные для нормативного порядка общества – переходные состояния.

Если «этос науки» принимать за постепенную историческую «седиментацию» (А. Шюц) культурной традиции науки как социального института, то, в этом случае, чем последняя отличается от любого другого сообщества, с собственными культурными (традиционными историческими и локальными правилами жизни)? Это явно противоречит идее приоритета научного наблюдения и коммуникации. Как наука может притязать на универсальность и образцовость своего бытия, если ее собственная культурная идентичность базируется на локальности, контингентности и историчности?

Так, либеральный аргумент в пользу автономии и разрыва общества и науки, в конечном счете, лишь утверждает идею научного коммуитаризма – понимания науки как сообщества среди прочих равных. И даже хваленый мертоновский «организованный скептицизм» в этом смысле может пониматься как локально-историческая ценность, которая не может определять жизнь других коммуникативно-автономных сообществ, ведь в этом случае нивелируется сама идея их автономии как фундамента либерализма.

Кроме того, внутри самих *аксиом научного этоса* наметились внутренние противоречия, прежде всего, между нормой антидогматичности и организованного скептицизма, с одной стороны, и нормой объективности (достоверности) научного наблюдения, в частности, достоверности самого этоса науки, с другой. Ведь само это притязание на лучшее видение и понимание, которое наука предлагает обществу, дефинитивно догматично и идеологично, поскольку априори выводится из-под критики науки. И тогда такой «этос» приходится рассматривать как подлинную идеологию и догму.

К. Поппер, как известно, предлагал устранить догматизм из научных исследований, сохранив все научно-значимые процедуры трансляции истины путем их фальсификаций (путем вывода *modus tollens*). Однако, если требования «предлагай рискованные гипотезы», «фальсифицируй утвердившиеся истины» включать в систему универсальных императивов, то это подрывает весь искомый фундамент социального консенсуса, включая как сам мертоновский *этос науки*, так и шире – все фундаментальные ценности либерализма: свободы, равенства, народовластия и справедливости.

Итак, идея научной коммуникации как стандарта для других сообществ столкнулась с парадоксами.

Во-первых, попытка выделить науку как образцовое независимое от остального общества – и в этом смысле объективно и антидогматично наблюдающее сообщество скептиков, требовало создать нормативный реестр требований, или «этос», который в этой функции и

сам трансформировался в идеологию и догму, табуируя скептические и антидогматические интерпретации своих собственных положений. Это превращало либеральное понимание науки в свою противоположность – коммунитаризм.

Во-вторых, требование «организованного скептицизма» и универсальной фальсификации как метода научного наблюдения не может служить социальному согласию, поскольку релятивизирует всякое основание социального порядка и в этом смысле превращает науку в некий *социально-дестабилизирующий элемент*.

Можно ли разрешить эти парадоксы? И спасти тем самым такие притязания на истинность, которые одновременно могли бы служить фундаментом согласия для остальных сообществ? Или в другой формулировке: совместима ли лучшая познавательная и наблюдательная способность ученого с его притязанием на моральную правоту в вопросах общественного устройства?

3. Между обществом и наукой – теория протестного движения в науке

Наш тезис состоит в том, что разрешение парадоксов Поппера и Мертона возможно на путях системно-коммуникативного подхода путем поиска некоей бинарной (т. е. одновременно и нормативной, и когнитивной) установки как стандартизированной реакции на соответствующие коммуникативные сбои или проблемы (разочарования в нормативном порядке)⁵.

Такие коммуникации, с одной стороны, принадлежали бы научной коммуникативной системе, в том смысле, что они ориентировались бы на соответствующие программы (под которыми мы понимаем методологические и теоретические требования науки).

С другой стороны, они должны были бы в определенных условиях *«выходить за пределы»* научной системы, и *действенным образом* реагировать (а не только рефлексировать) на научные, (и иные политические, хозяйственные проблемы и события) с точки зрения *нормативных* ожиданий, т. е. исходить не только из самоограничений (означенного собственного «этоса», медианучных коммуникации и т. д.), **но и учитывать** некоторую более широкую обще-общественную перспективу и рассматривать фактические условия существования науки на предмет *восстановления* нарушенного (корруптированного) нормативного порядка.

⁵ *Когнитивная установка* требует менять норму в случае обстоятельства, ее опровергающего. *Нормативная установка* требует менять реальность, подгонять ее под норму и тем самым восстанавливать значение этой нормы. (Гегелевское «тем хуже для факта» – типичное выражение нормативной установки.)

В частности, такая коммуникативная система должна требовать повышения финансирования научных исследований не столько с точки зрения науки (ведь это само по себе никак не определяет истинность или ложность научных предложений – ключевого внутреннего самоограничения научной коммуникации), но исходила бы из внешней потребности самого общества в науке, как условия общественного воспроизводства.

Другими словами, должна существовать такая форма социальности или коммуникации, которая одновременно (или поочередно) концентрировалась бы и вокруг стандартных научных тем (стилизовалась бы под общезначимые переживания объективной реальности, выражала бы когнитивную установку), и представляла бы в форме гражданского активизма – на манер политической активности, представляла бы собой сцепление реальных действий, и выражала бы нормативную установку.

На наш взгляд в отечественной ситуации, в условиях недофинансирования и даже безразличия общества и политики к науке, возможен некоторый перекося такой коммуникации в сторону большей критики других систем и меньшей самокритической рефлексии науки.

В стандартной ситуации такая радикальная критика и активизм должны были бы быть направленными в большей степени на саму науку, требовать от нее демократизации своих институтов, либерализации правил членства и инклюзии, внимания к общественной релевантности научных достижений и их рисков и т. д.

Однако приходится признавать, что искомая когнитивно-нормативная бинарность проявляется в особом российском явлении – уникальном *движении протеста*, предметно кристаллизующимся вокруг темы недофинансирования научных исследований, т. е. в большей степени инореференциально, нежели самореференциально, при том что критика внешних по отношению к науке коммуникативных систем доминирует над критикой собственных научных институтов.

В связи с этим важно было бы получить ответ на вопрос о том, насколько сильно тот или иной тип протестного движения в науке отдифференцировался от традиционных типов коммуникации (и соответственно, от типов социального наблюдения) в рамках больших коммуникативных систем. Здесь приходится признавать, что такая *промежуточная коммуникативная система научного протеста* не отдифференцировалась окончательно, не создала для себя символического бинарного кода (наподобие символического медиа-кода *денег* для хозяйства, медиа-кода *власти* для политики, медиакода *веры* для религии, медиа-кода *любви* для системы интимных коммуникаций, *прекрасного* – для искусства). Тема *недофинансирования* слишком локальна и контингентна, чтобы стать обобщающим символом протестной коммуникации в науке.

Именно поэтому научный протест либо использует *морализации* (использует медиа-код «справедливости»), либо выступает в функции «поддержки» для других систем коммуникаций (например, для политической системы в формате оппозиции).

С теоретической точки зрения протест может до некоторых пор не выходить за пределы *интеракций* – приватного общения протестующих по алармистским мотивам обеспокоенности в отношении структурных следствий невнимания общества к нуждам науки, может не использовать медийные инструменты – публикаций, СМИ, интернета, социальных сетей. Протест может выступать в более продвинутых коммуникативных формах, например, оформляться в виде *организаций*. Он, однако, может задействовать традиционные коммуникативные *гранд-системы* – масс-медиа, политики, хозяйства. Все эти возможности, как нам кажется, реализовались в России в виде соответствующих протестных институтов. Исходя из этих теоретических предпосылок мы, применительно к российским реалиям, можем указать на следующие типы научного активизма.

Во-первых, речь идет о *интерактивно-ориентированном* типе движения, к которому, прежде всего, можно отнести *Общество научных работников*, лишенное жестких организационных структур. Во-вторых, к этому движению можно, с оговорками, отнести жесткий и наиболее консервативный *организационно-связанный* правилами членства вид протестного движения. К нему относятся *профсоюзы организаций РАН* и других научно-образовательных учреждений. И наконец, самой продвинутой формой радикализма в науке являются системно-интегрированные формы протеста, прежде всего на уровне коммуникативной *гранд-системы* масс-медиа (телевидение, интернет-вещание, газета), к которым можно отнести газету «*Троицкий вариант*», и наконец, *социально-сетевой тип научного протеста* – общество «*Диссернет*».

4. Практика протестного движения в отечественной науке: формы, уровни, требования, инвективы

«Общество научных работников» (ОНР) представляет собой организационно неоформленный тип общественного движения, что более всего отвечает подлинному характеру «движений протеста». Это значит, что оно не ограничивается уставом и правилами членства, определяющего жизнь *в конкретной организации*. Поэтому его участники не опасаются санкций от соратников ни за избыточный радикализм, ни за умеренность и примирительность.

Несмотря на известную «рыхлость», неопределенность условий участия, такие структуры в современных условиях более стабильны и устойчивы к разногласиям и расколам. Такая «макро-локализация» дает возможность концентрироваться на широком спектре вопросов, главный из которых – внешняя обще-общественная потребность в науке, а также внутренние вопросы организации и развития науки. Соответственно, ОНР декларирует причины своего создания в терминах, характеризующих моральные медиа-коды (справедливости, отчуждения, эксплуатации и т. д.).

Прежде всего, речь идет об *«отчуждении власти от научных работников, невиданное ни в развитых, ни в догоняющих странах. Мнение активно работающих ученых о науке и научной политике... игнорируется. Руководители научных учреждений и ректораты университетов зачастую назначаются властью без согласования с научной и преподавательской общественностью... беспрецедентно низкий один процент бюджета страны на науку используется неэффективно... дорогостоящие проекты и программы не проходят международной и отечественной научной экспертизы, не соблюдаются открытые конкурсные процедуры»* [Декларация..., 2012].

Таким образом, апелляция к обществу и требования к государству совмещают две перспективы: внутреннюю-когнитивную и внешнюю-нормативную. С одной стороны, это требования к внутренней демократизации, обращенные к самой науке (к прозрачности процедур финансирования, адекватной оценке научных достижений, выработке критериев научной репутации). Но, с другой стороны, одновременно формулируются политические и экономические требования (критика неэффективного расходования бюджета и неэффективного внешнего управления), исходя из внешней нормативной перспективы наблюдателя-морализатора, который фиксирует некоторую «поврежденную» норму (прежде всего, конечно, справедливого распределения) и требует ее восстановления.

В этом смысле ОНР выражает и самореференциальные качества мета-наблюдателя-ученого с его когнитивной установкой – ожиданием трансформации социальных структур науки, но, одновременно, занимает и инореференциальную позицию наблюдателя-активиста.

Активность ОНР, видимо, следует анализировать в контексте «структурно-критического» подхода к исследованию протеста [Антоновский, Бараш, 2018]. По крайней мере сами участники протеста полагают, что такая активность фиксирует некоторые структурные дисфункции коммуникативных макро-систем, связывает с ними собственные депривации, выступающие источниками их активизма. При этом разочарование в нормативных ожиданиях (от функционирования институтов государства и науки) требуют *восстановить* нарушенный порядок, но не требуют структурных изменений – в политике, хозяй-

стве и самой науке: как видно из программной цитаты, архаичность современной научной администрации они усматривают в бесправности экспертов, но не в структурных дисфункциях самого института экспертизы, который, очевидно, требует существенной демократизации. *Нормативная* ориентация этого протестного института в этом случае, очевидно, доминирует над *когнитивной* – как в отношении науки, так и в отношении внешних по отношению к науке институтов.

Соответствующим образом ОНР декларирует следующие цели и формы деятельности: *«мониторинг состояния и финансирования научных исследований; экспертиза научных программ и проектов; борьба с псевдонаукой и нарушениями научной этики; проведение опросов научных работников по насущным проблемам подготовка предложений и обращений к властям разных уровней и обществу, содействие талантливой молодежи в построении научной карьеры; привлечение негосударственных спонсорских средств на благо науки и просвещения; посредничество при конфликтах между учёными и администрацией»* [Декларация..., 2012].

Эти заявленные цели и формы активизма выражают двойственность когнитивно-нормативной установки. С одной стороны, очевидно, что этот тип протеста во многом отстаивает коммуникативную автономию науки. Он требует трансформаций, и прежде всего, преодоления функционально недифференцированного (и в этом смысле – архаического) устройства российского общества в целом, где экономика, наука и политика зависят от политики, а политики мотивированы экономически. И это системная зависимость науки от избыточного внешнего и внутреннего администрирования является основной темой, объединяющей данный тип протестной коммуникации.

С другой стороны, как ни странно, для этого протеста характерна и противоположная особенность. Фактически эту автономию в известной мере предлагается «снять» за счет введения *институтов посредника*: между наукой и властью (подготовка рекомендаций и экспертизы для госорганов) и между наукой и хозяйством (привлекать самостоятельное финансирование), причем на роль этого посредника активисты предлагают самих себя. В этом контексте, конечно, данный тип протеста приходится относить уже не к «структурно-критическому», а к «ресурсно-мобилизационному» типу.

В целом этот тип протеста пока не выдвигает политических требований, не требует гражданского неповиновения, не готов переходить к «экстра-правовым» формам, и даже митинги и шествия не являются его основным аргументом в педалировании собственной протестной темы.

Профсоюзы РАН выражают наименее радикальный и наиболее консервативный тип научного активизма, его *организованную* форму, и в этом смысле его лишь условно можно отнести к институтам научного протеста. Профсоюз РАН формально не заявляет о целях,

связанных с темой протеста, не дает (в своих нормативных документах – Уставе и т. д.) оценки актуальной ситуации в науке. Устав и межотраслевое соглашение регулируют вопросы отношений с работодателями, при том что ситуативные протестные акции в защиту науки слабо связаны с уставными целями этой организации. На уровне Устава и формальных целей не обнаруживается понимания того, что науку надо защищать именно как социальную систему общества, а не только концентрироваться на защите экономических, в этом смысле экстра-научных, интересов «работников науки».

На уровне реальных акций и ситуативных деклараций мы, тем не менее, видим, что интересы науки как безличной, социальной системы отчасти декларируются, однако почти не сопровождаются призывами выходить на массовые акции или иными апелляциями к обществу. В тех редких случаях, когда формально заявляется о возможности коммуникативного преодоления границ системы науки⁶, фактическое взаимодействие даже и с «системной оппозицией» стремится к нулю. На момент написания статьи последний документ о таком сотрудничестве датировался 2011 г.

Третий вид институционализованного протеста в научной коммуникации мы резервируем за самыми «продвинутыми» коммуникативными медиа научного активизма. К таковым можно отнести интернет-газету «Троицкий вариант». То, что этот вид протеста структурно сцеплен с системой масс-медиа, доказывает, что протестное движение в науке действительно локализуется на уровне общества в целом (его макро-систем) и уже преодолело границы не только простых систем интеракций (face-to-face коммуникаций), но и *организационно-оформленных коммуникаций*. И в этом смысле данная газета обращается к обществу как таковому, выступает как равноправная система в ряду других гранд-систем (политики, хозяйства, образования и т. д.).

Однако, при всем этом, у данного медиа мы не обнаруживаем того, что принято называть «концепцией медиа», определения его миссии, тематических границ, рефлексии в отношении собственной таргет-группы. Его участники, как заявляет главный редактор Борис Штерн, осознанно отказываются от организационного «*типа администрирования, которое, как известно, не может существовать более двух месяцев. В ней нет ни единого штатного работника и четкого распределения обязанностей, нет планерок и жесткой редакционной политики. Редакция работает в основном на принципах спонтанной самоорганизации независимых участников, нелинейно взаимодействующих через Интернет*» [Штерн, 2012].

⁶ Так, в пункте 2.2.20 Устава говорится об участии в формировании общественных и общественно-политических организаций и движений, взаимодействии с партиями, международными организациями, общественными и общественно-политическими организациями и движениями.

Что же представляет собой этот медийный проект, является ли он некоторым временным объединением для решения конкретной протестной задачи или весьма неопределенным по времени, предмету и сообществу?

Примечательно, что это единственный институт, который эксплицитно формулирует тему протеста (в виде хэштэга) и явным образом направляет свои инвективы на научный истеблишмент. Основные объекты критики – статусные лица в научном сообществе и чиновники. Этот вид научного активизма наиболее адекватно выражает то, что сегодня социологи понимают под протестом (*new social movements*). Прежде всего, радикальный протест счастливо избегает такой обременительной формы, как организация, а локализуется все-таки на уровне макросистем, т. е. общества в целом. Это значит, что протестное движение может рассчитывать практически на неисчерпаемые источники ресурсов (социальной энергии и времени, возможности краудсорсинга и фанд-райзинга), апеллирует к самым разным сообществам, но только не к материнской организации-донору (государству, МОН, ФАНО и т. д.).

Наконец, самым радикальным типом протестного движения в науке является интернет-сообщество «Диссернет», самоопределяющийся как «вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов».

Первое, что бросается в глаза, это то, что самописание данной системы отсылает не к научному этосу как внутреннему системно-коммуникативному ориентиру (Р. Мертон). Напротив, формулируется некоторая генерализированная ценностная рациональность, взывающая к справедливости, а не к системному медиа-коду научной истины (как обобщающего символа поисков нового достоверного знания), что лишь некоторым окольным путем требует и функциональной самостоятельности научной коммуникации.

Все переживания по поводу соблюдения системной нормативности высказываются не из перспективы системы науки (в которой *ложность*, как известно, нормализована, и даже может рассматриваться как рефлексивная сторона дистинкции *истина/ложь*), но из перспективы наблюдателя в позиции *вне науки*. Не *ложность*, но *плагиат* – вот главная проблема и демаркатор такого отграничения-из-вне научной коммуникации со стороны общества. В этом смысле «Диссернет» встает на позицию самого общества, как бы обеспокоенного тем обстоятельством, что его интегральная составляющая – наука – деградирует и дискредитирует себя.

Здесь мы сталкиваемся с удивительным требованием, когда границы коммуникативной системы поддерживаются *не изнутри* (т. е. силами сообщества ученых, сопротивляющихся внешним попыткам

определять тематические, методологические границы исследования), но извне – со стороны оппозиционно-политических сил, правда, вынужденных использовать ресурсы и самой научной коммуникации. Предположительно этот тип протестного общения укоренен в позиции наблюдения в перспективе *политической системы*. Здесь политика (в лице оппозиции) ангажирует науку и вступает с ней в структурные сцепления с тем, чтобы решать собственные политические задачи.

В этом смысле объект критики существенно размывается, но основная инвектива сохраняется и направлена против «политических и общественных деятелей, попытавшихся улучшить свою репутацию и приобрести дополнительное уважение сограждан путем защиты диссертаций и получения официальных дипломов о кандидатских и докторских степенях».

Итак, вступая в структурные сцепления с наукой, этот тип протеста одновременно утверждает научную автономию и как следствие – недопустимость объединения научной и политической коммуникации. Он направлен против «высказываний», стилизованных под научный дискурс (в форме научных работ и диссертаций политиков и чиновников), и тем самым делает невозможным обоснование политического авторитета (в худшем случае – авторитаризма) ссылками на научную репутацию политиков.

Несмотря на радикализм этого активизма, здесь, безусловно, в большей степени – и в качестве некоторой финальной цели – реализована *нормативная* установка. Таковой нормативной целью является восстановление «попранной справедливости» (в форме «некорректных заимствований») при том, что в качестве средств достижения этой цели (через анализ текстов диссертаций задействуются когнитивные ресурсы и установки самих ученых. Это проявляется, прежде всего, в требованиях к изменению (а не восстановлению) порядка и процедур присуждения научных степеней и званий.

Заключение

Итак, наличие нескольких типов новообразующегося протестного движения, кристаллизующегося вокруг тем автономии и защиты собственных интересов и перспектив научной системы, доказывают наш тезис о том, что по крайней мере является возможным такой тип коммуникации, который бы одновременно ориентировался и на когнитивную, и на нормативную установку в наблюдении реальности.

Мы показали, что такой тип коммуникации относительно стабильно воспроизводится и может претендовать на статус нарождающейся коммуникативной макро-системы. Это обстоятельство мы

можем охарактеризовать как практическое разрешение парадоксов Мертона и Поппера, которые – теоретически – указывали на несовместимость двух противоположных притязаний: с одной стороны, быть лучшим наблюдателем или институтом познания, а с другой стороны, предлагать лучшие образцы (ценности, нормы) социального согласия и общественного устройства.

Собственно, и данная статья является некоторым вкладом в это движение, поскольку использует научный инструментарий (системно-коммуникативную методологию) при анализе действительной теоретической проблемы, а с другой – проясняет, обосновывает и этим в известной мере *легитимирует* значение новой коммуникативной системы общественного протеста.

Список литературы

Антоновский, 2018 – Антоновский А.Ю. Социальная философия науки: немецкая версия. Фридрих Шлейермахер о реформе немецкого университета и роли философского факультета // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 204–214.

Антоновский, Бараш, 2018 – Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Системно-коммуникативные исследования социальных движений // Филос. журн. 2018. № 2. С.

Бараш, 2013 – Бараш Р.Э. Роберт Кинг Мертон и Флориан Знанецкий о «людях знания» и «людях действия» // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 37. № 3. С. 205–228.

Бухарин, 1928 – Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. М.; Л.: Госиздат, 1928. 390 с.

Декларация, 2012 – Декларация о создании межрегионального общества научных работников. 2012. URL: <http://onr-russia.ru/node/3> (дата обращения: 01.03.2018).

Касавин, 2016 – Касавин И.Т. Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки, 2016. Т. 50. № 4. С. 63–73.

Касавин, 2018 – Касавин И.Т. Детство науки прошло безвозвратно // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Философия, социология, политология». 2018. № 2. С.

Никифоров, 2018 – Никифоров А.Л. Что дала человечеству наука Нового времени // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Философия, социология, политология». 2018. № 2. С.

Шлейермахер, 2018 – Шлейермахер Ф. Нечаянные мысли о духе немецкого университета // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 215–235.

Штерн, 2012 – Штерн Б. Всё, что вы хотели знать о газете, но боялись спросить // Троицкий вариант. 2012. № 10. URL: <https://trv-science.ru/2012/03/27/10-faktov-o-trv-nauka/> (дата обращения: 15.02.2018).

Merton, 1973 – Merton R.K. The sociology of science: theoretical and empirical investigations. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1973. 636 p.

Miller, 2000 – *Miller P.N. Peiresc's Europe. Learning and virtue in the XVII century.* New Haven, Conn. and L.: Yale University Press, 2000. 234 p.

Wittgenstein, 1978 – *Wittgenstein L. Philosophical Investigations.* Oxford: Oxford University Press, 1978. 250 p.

References

Antonovski, A. Yu. “Sotsial'naya filosofiya nauki: nemetskaya versiya. Fridrikh Shleiermacher o reforme nemetskogo universiteta i roli filosofskogo fakul'teta” [Social philosophy of science: German version. Friedrich Schleiermacher on the reformation of German university and the role of faculty of philosophy], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 204–214. (In Russian)

Antonovski, A. Yu., Barash, R. E. “Sistemno-kommunikativnyye issledovaniya sotsial'nykh dvizheniy” [System-communicative research of social movements], *The Journal of Philosophy*, 2018, no. 2. P. (In Russian)

Barash, R. E. “Robert King Merton i Florian Znanetskiy o «lyudyakh znaniya» i «lyudyakh deystviya»” [Robert King Merton and Florian Znaniecki about “people of knowledge” and “people of action”], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, vol. 37, no. 3, pp. 205–228. (In Russian)

Bukharin, N. I. *Teoriya istoricheskogo materializma* [The theory of historical materialism]. Moscow, Leningrad: Gos. Publ.house, 1928. 390 pp. (In Russian)

Deklaratsiya o sozdanii mezhhregional'nogo obshchestva nauchnykh rabotnikov [Declaration on the establishment of an interregional society of scientists]. [<http://onr-russia.ru/node/3>, accessed on 20.03.2018] (In Russian)

Kasavin, I. T. “Kritika gruppovykh ubezhdeniy” [The critique of group belief: a discussion with Jennifer Lackey], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 50, no. 4, pp. 63–73. (In Russian)

Kasavin, I. T. “Detstvo nauki proshlo bezvozvratno” [Childhood of science passed irrevocably], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Philosophy, sociology, political science*, 2018, no. 2, pp.(in Russian)

Nikiforov, A.L. “Chto dala chelovechestvu nauka Novogo vremeni” [What did the Modern Age science give to the mankind] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Philosophy, sociology, political science*, 2018, no. 2, pp. (in Russian)

Schleiermacher, F. “Nechayannyye mysli o dukhe nemetskogo universiteta” [Unwanted thoughts about the spirit of the German university], *Epistemology & philosophy of science*, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 215–235. (In Russian)

Merton, R. K. *The sociology of science: Theoretical and empirical investigations.* Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 pp.

Miller, P. N. *Peiresc's Europe. Learning and Virtue in the Seventeenth Century.* New Haven, Conn. and London: Yale University Press. 2000. 234 pp.

Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations.* Oxford: Oxford University Press, 1978. 250 pp.

ПАРАДОКСЫ НАУЧНОГО ЭТОСА

Аргамасова Александра Александровна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: argamakova@gmail.com

Концепция научного этоса Р. Мертон описывает нормы и ценности, регулирующие познавательную практику ученых. В соответствии с ее установками, наука обладает выделенным статусом и способностью играть роль арбитра в обществе и культуре. Тем не менее данное представление о науке сталкивается с парадоксами и противоречиями, связанными с ее основными принципами и сопряжением научного познания с социальной практикой. В статье осуществляется попытка осмысления данных вопросов и поиска способов разрешения ряда парадоксов, возникающих вокруг идеи научного этоса.

Ключевые слова: наука, Мертон, парадокс, нормы, ценности, коммуникация

THE PARADOXES OF SCIENTIFIC ETHOS

Alexandra Argamakova – PhD in Philosophy, junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. e-mail: argamakova@gmail.com

R.K. Merton's idea of scientific ethos describes the norms and values, which regulate the cognitive practices of scientists. According to it, science has the special status and plays the role of referee in society and culture. Nevertheless, such view of science provokes the paradoxes and contradictions, connected with the basic principles of the conception and the application of science to practice. In the article, this theme will be analyzed at some extent, and the possible decisions of paradoxes around the scientific ethos will be outlined briefly.

Keywords: science, Merton, paradox, values, norms, communication

Этос науки составляют нормы и ценности, регулирующие познавательную практику ученых. Природу научного этоса Р. Мертон раскрывает через понятия «институциональных императивов», «норм», «морали», т. е. этических аксиом или идеалов интеллектуальной деятельности. Р. Мертон наделяет научный этос соответствующим смыслом, но именно поэтому становится уязвимым для критики за догматичность постулируемых принципов, которая ставит под вопрос критичность самой науки, обоснованность ее выделенного статуса и, в конечном счете, способность быть арбитром культуры и общества. Упрек кажется настолько справедливым, насколько неразрешимым. Универсальность, коллективизм, беспристрастность и скептицизм науки должны отличать ее от прочих форм и практик познания. Впрочем, эти же принципы превращают ее в нечто противоположное по смыслу, в разновидность идеологии, если предполагается запрет на ревизию оснований научной рациональности, связанных с идеей научного этоса. Этос, охраняющий бастионы достоверного научного знания, оказывается внутренне коррумпированным, парадоксальным образом сочетая установку на критическое познание действительности с догматизмом исходных установок.

На сегодня наука не стала единственной организующей силой общественного устройства, но широко признана в качестве ключевой опоры государства и общества. Вопреки возможным теоретическим парадоксам на деле научному подходу к решению проблем отдается предпочтение, а значит, за нормами, ценностями, интеллектуальными и коммуникативными стратегиями науки признается когнитивное и практическое преимущество. Если научная опора практики возможна и более эффективна, то она предпочтительнее. Однако с точки зрения теории, как замечают в своей статье Р. Бараш и А. Антоновский, создается впечатление, что понимание научного этоса и обоснование преимуществ науки сталкивается с неразрешимыми парадоксами. Насколько такое впечатление верно, а парадоксы действительно неразрешимы?

По словам Р. Мертона, «институциональные императивы (нормы) производны от цели и методов (науки. – А.А.). Целостная структура технических и моральных норм способствует достижению конечной цели. <...> Нормы науки связаны с методологической рациональностью, однако, их придерживаются не только по причине процедурной эффективности, но также из-за веры в их правильность и справедливость. Они являются этическими в той же мере, как и техническими предписаниями» [Merton, Storer, 1973, p. 270]. Таким образом, нормы и ценности науки не внерациональны. Они закрепляются в практике ученых по соображениям процедурной эффективности в деле получения достоверного научного знания. На этом пути, мне кажется, парадокс с догматичностью может быть устранен. Противоречия возникают, если акцентируется первый смысл идеи научного этоса. Но ее второй смысл указывает на то, что нормы научного этоса могут быть поняты не по аналогии с идеей категорического императива И. Канта, а скорее как практически оправданные максимы интеллектуальной деятельности в духе прагматизма Ч. Пирса. Парадоксальность, таким образом, вызвана сложностями согласования двух смыслов идеи научного этоса по Р. Мертому, которые устраняются при обращении к трактовке норм этоса науки как максим практической (научной) деятельности.

При подобном подходе, соответственно, нормы и ценности научного этоса не априорны, а эмпиричны. Они вырабатываются, применяются и сохраняются в практике ученых до тех пор, пока целесообразны и эффективны в отношении получения достоверного научного знания. Скептицизм науки может быть направлен и против ее собственных основ, другой вопрос – скажется ли плодотворно отказ от мертоновских норм на результатах научных исследований. Ответ на него зависит от конкретного практического и социального контекста работы ученого, определяющего его выборы правилосообразных линий поведения.

Попперовский и мертоновский скептицизм как черта научного мышления в приложении к социальной практике может выступать как дестабилизатором общественного согласия, так и способствовать его достижению на новых основаниях. Даже если «скептицизм представляет угрозу текущему распределению власти» [Merton, Storer, 1973, p. 278], он же может приводить к вскрытию противоречий и выработке рационального консенсуса. Вероятно, и другие парадоксы научного этоса, существование контрнорм и амбивалентность ученых [Merton, 1976] также могут быть осмыслены через обращение к идее практических максим и описание конкретных условий, в которых оправдано действие противоположных норм.

Список литературы

Merton, 1976 – *Merton R. The Ambivalence of Scientists // Essays in Memory of Imre Lakatos / Ed. by R.S. Cohen, P.K. Feyerabend, M. Wartofsky. Dordrecht: Reidel, 1976. P. 433–455.*

Merton, Storer, 1973 – *Merton R., Storer N. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago and L.: The Univ. of Chicago Press, 1973. 605 p.*

References

Merton, R. “The Ambivalence of Scientists”, in: R. S. Cohen, P. K. Feyerabend, M. Wartofsky (eds.). *Essays in Memory of Imre Lakatos*. Dordrecht: Reidel, 1976, pp. 433 – 455.

Merton, R., Storer, N. *The sociology of science: theoretical and empirical investigations*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. 605 pp.

Г РАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ, ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА И ЭКСПЕРТИЗЫ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ

Костина Алина Олеговна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: akostina@mail.ru

Гражданский активизм в рамках науки является необходимой частью поддержания автономии науки. При этом положение научных организаций и университетов часто оказывается зависимым от государственного и частного администрирования и финансирования. Наука оказывается между перспективами развития по бюрократическому или же корпоративному пути, с угрозой для основных академических свобод. Постановка вопросов профессиональной экспертизы и посредничества между наукой и государством, наукой и экономикой, а также анализ всей сложности взаимодействия становится принципиальной для определения границ и укрепления автономии науки.

Ключевые слова: гражданский активизм, экспертиза, научная среда, институт посредничества

C IVIL ACTIVISM, MEDIATION AND EXPERTISE IN SCIENTIFIC ENVIRONMENT

Alina O. Kostina – PhD in Philosophy, junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: argamakova@gmail.com

Civil activism in the field of science is one of the most crucial issues and the key factor of autonomy of science. Herewith, the position of universities and other scientific institutions is vulnerable and hinges upon state and private financing. Science finds itself between two unattractive and doubtful prospects of developing in either bureaucratic or corporate (in the business sense) way, which leads to the abridgement of basic academic freedoms. Setting the problem of professional expertise and mediation is highly important for the definition of borders and consolidation of the position of science.

Keywords: civil activism, expertise, scientific environment, mediation practice

Проблема гражданского активизма исторически наиболее ярко проявляется на стыке взаимодействия государства, бизнеса и непосредственно общественных интересов. При этом, когда речь идет о научных организациях: университетах, академиях, исследовательских институтах, они всегда находились и продолжают находиться в довольно неоднозначном положении. «Академическая свобода» как одно из основных корпоративных прав классических университетов подвергается сегодня испытанию и пересмотру. Вновь одним из главных вопросов становится проблема автономии науки. Она, с одной стороны, является необходимым условием развития науки и воплощения научных и исследовательских принципов. С другой стороны, неоспоримым фактом является то, что воплощение этих идеалов в рамках данных институций

предполагает необходимость развития науки, исследований, поддержки ученых. Следовательно, одним из самых практически значимых факторов становится администрирование и финансирование. В различных вариациях его источниками может быть государство (что сразу возвращает нас к вопросу гражданского активизма – бюджет формируется за счет средств налогоплательщиков), либо бизнес-организации, благотворители и меценаты (в случае ряда западных университетов зачастую речь идет о бывших выпускниках).

Одним из предметов серьезного обсуждения последнего времени стало сравнение университета с бизнес-корпорацией [Engwall, 2008]. Первоначальный смысл корпоративности связан с университетами, которые с момента их основания и на протяжении столетий последовательно воплощали в жизнь корпоративные идеалы академической свободы, права самоуправления и выбора профессорского состава. Сегодня корпоративные принципы распознаются скорее в контексте бизнеса и не совпадают с университетскими. Опасения вызывает попытка навязать университетам цели корпораций: в конечном итоге для последних это получение прибыли и увеличение рыночной стоимости компании. В то время как университеты ориентированы на распространение знания и его производство. Не стоит забывать и о репутации. Но если для корпоративных структур ценность репутации во многом является функциональным средством достижения целей, то для университетов репутация, предполагающая стоящую за ней последовательную, динамичную качественную работу в области обучения и научных исследований, является одной из главных целей сама по себе.

Активно внедряемые принципы делового администрирования в жизнь научных организаций ориентированы на определенное, но не соответствующее научному этосу представление об эффективности, подрывает принцип автономии науки («коммуникативную автономию науки»).

Описанное сравнение университетов и бизнес-корпораций и связанные с этим стратегии финансирования и администрирования – одно из возможных направлений развития научных структур. В предложенной статье проблема администрирования также обозначается как одна из краеугольных. Однако в силу того, что исторически развитие российских (а прежде советских) университетов и других научных организаций тесно связано с государственным финансированием (как и в большинстве европейских университетов), нежели с частным (как в американских научных структурах), то и проблема внешнего и внутреннего администрирования связывается с тем, что научные учреждения взаимодействуют с государственными структурами, а значит, испытывают характерные для такого типа взаимодействия сложности, в первую очередь избыточной бюрократизации процессов.

Адекватный гражданский активизм всегда указывает на факт того, что кто-то из участников общественных отношений действует против общественных интересов или, как обозначено в статье, «фиксирует структурные дисфункции коммуникативных макро-систем», выступая в роли «наблюдателя-морализатора», требующего справедливого распределения ресурсов и власти.

В различных условиях институт экспертизы был внедрен для произведения профессиональной и квалифицированной оценки. Так, Карл Мангейм в книге 1935 г. «Человек и общество в годы реконструкции» [Mannheim, 1935] писал о важности роли экспертизы в новой общественной модели. Эксперты в ней действуют под управлением общественности, ее выборных представителей. Профессиональная экспертиза стала достаточно проблематичным полем с течением времени и прошла путь от роли эксперта как авторитетной фигуры в принятии того или иного решения до уничтожения института экспертизы как несостоятельного и не дающего, по ряду причин, адекватной оценки предмета экспертизы. Исторически можно проследить сначала подъем, а затем упадок роли экспертизы в связи с развитием теории систем и кибернетики, когда фигура эксперта как и институт экспертизы в целом был сильно технологизирован и в работе не учитывал важные социо-гуманитарные факторы. Другой причиной была недопустимая по определению, но являющейся частью реальной практики ангажированность экспертов.

«Общество научных работников» (далее ОНР) как сообщество профессионалов науки осознает и декларирует необходимость возвращения института экспертизы в качестве эффективного механизма контроля. Более того, в декларации задач протестного движения прописано руководство рядом фундаментальных медиа-кодов, что, наряду с установленным характером движения, может стать дополнительной гарантией беспристрастности.

ОНР позиционирует себя как организационно-неоформленный тип общественного движения, у которого нет устава, правил членства в определенной организации, санкций против его участников и допустимость свободы позиций от примирительной до радикальной.

С одной стороны, такие представления воплощают завет Дэвида Харви, критиковавшего практику создания сообществ за их неизбежную реификацию в окостенелую форму, не способную отвечать изначально поставленным задачам. Более того, такой распределенный тип организации, не имеющей центра (который со временем может стать уязвимым и неэффективным в силу концентрации власти), в действительности более устойчив.

В то же самое время декларация причин создания организации происходит в терминах серьезных «моральных медиа-кодов», таких как, например, справедливости и отчуждения. Здесь есть пробле-

матичный момент: работа с данными кодами предполагает рассмотрение вопросов с многосторонней ответственностью, где другие стороны – организации, деятельность которых подчиняется правилам и принципам, начиная от вопросов внутренней организации до сложных правовых отношений. Любым взаимодействующим сторонам процесса нужны гарантии. Может ли такая форма организации, как движение, отвечать на вопросы не только тактического порядка, связанные с устранением «искривления» нормы, но формой, которой можно доверять стратегические задачи? Каким образом структурно оформленным сторонам общаться, а тем более взаимодействовать как с посредником со структурно не оформленным движением? Высказываемое желание быть посредником между наукой и властью, наукой и хозяйством должно быть подкреплено способностью говорить на языке другой стороны, а в данном случае двух сторон.

В связи с обозначенными функциями экспертов, деятельность которых направлена на внутринаучные процессы и посредников, возникает вопрос: если предположить, что источником института экспертизы и института посредничества становится одно и то же движение, то какой набор способностей и знаний должен быть присущ данным профессионалам? Исторически такая форма интеракции действительно была выработана.

Сама по себе идея эксперта-посредника была в достаточно удачной форме воплощена в гражданском городском движении и носит название “advocate-planner” [Davidoff, 1965]. Контекст, в котором была выработана данная социальная и профессиональная позиция связана с невозможностью рядовых граждан всеобъемлюще оценить масштабы городских изменений, предлагаемых официальными властями или несвоевременность получения данной информации, что приводило к недостаточно быстрой гражданской реакции по их поводу.

Но вопрос остается актуальным: в какой мере эксперт в области науки также может быть экспертом по внешнему взаимодействию. И связано это не только с профессиональными компетенциями, но и отсутствием структуры в предложенном движении. Так или иначе возникает вопрос эффективности: поскольку и область политики, и область экономики предусматривает наличие структурных механизмов, ответственных за взаимодействие с наукой. Возникает вопрос того, в действительности ли движение с довольно адаптивной формой, но сильно размытыми границами ответственности может стать адекватным партнером, несущим ответственность не только перед научным сообществом, но и более широким гражданским обществом? В данном случае категория партнерства вытекает из идеи посредничества и того простого факта, что невозможно нивелировать важность ни государственной, ни экономической области.

Позиции ОНР относительно установления справедливости в управлении и распределении ресурсов, наряду с воплощением научных идеалов не только в пределах научного сообщества, но и общества в целом соответствуют классическим представлениям об университетской корпорации, утратившей с течением времени свой первоначальный вид.

Такого рода организационные инициативы совершенно необходимы для поддержания полноценной работы университетов и других научных и исследовательских центров.

Совет Карнеги по образовательной политике однажды привел любопытную статистику: из 66 институций, существующих с 1530 г. по 1970-е, 62 – университеты [Carnegie..., 1980]. Что, без сомнений, указывает на высокую жизнеспособность университетской организации. Конечно, эта статистика также указывает на то, что на протяжении долгих веков научное сообщество боролось за академическую свободу и возможность самоуправления. Внимание к данным вопросам и обдуманные попытки организации форпостов защиты университетов принципиально важны для улучшения данной оптимистичной статистики.

Список литературы

Carnegie..., 1980 – Carnegie Council on Policy Studies in Higher Education. San Francisco: Jossey-Bass, 1980. xxi + 439 p.

Davidoff, 1965— *Davidoff P.* Advocacy and Pluralism in Planning // *Journal of the American Institute of Planners*. 1965. Vol. 31, Iss. 4. P. 331–338.

Engwall, 2008— *Engwall L.* The University: a multinational corporation? // *Wenner-Gren International Series*. 2008. Vol. 84. The University in the Market. P. 9–21.

Mannheim, 1935 – *Mannheim K.* Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus. Leiden: A.W. Sijthoff, 1935. xviii+ 208 pp.

References

Carnegie Council on Policy Studies in Higher Education. San Francisco: Jossey-Bass, 1980. xxi + 439 pp.

Davidoff, P. “Advocacy and Pluralism in Planning”, *Journal of the American Institute of Planners*, 1965, vol. 31, iss. 4, pp. 331–338.

Engwall, L. “The University: a multinational corporation?”, *Wenner-Gren International Series*, 2008, vol. 84. The University in the Market, pp. 9–21.

Mannheim, K. *Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus*. Leiden: A.W. Sijthoff, 1935. xviii+ 208 pp.

НАУЧНЫЙ АКТИВИЗМ И ИДЕЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ

Столярова Ольга

Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: olgastoliarova@gmail.com

В статье анализируются парадоксы научного активизма с точки зрения концепции перформативности. Показывается, что противоречие между незаинтересованным познанием мира и заинтересованным действием в обществе связано с традиционным пониманием знания как обоснованного убеждения. Обсуждается перформативная концепция науки, которая получает распространение в STS и приходит на смену стандартной концепции науки. Показывается, что при рассмотрении науки как практики парадоксы научного активизма пересматриваются, потому что снимается жесткая граница между знанием и действием, наукой и ценностями.

Ключевые слова: научный активизм, общественная политика, перформативность, практика, знание, стандартная концепция науки, общественное благо.

SCIENTIFIC ACTIVISM AND THE IDEA OF PERFORMATIVITY

Olga E. Stoliarova – PhD in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: olgastoliarova@gmail.com

The author analyzes the paradoxes of scientific activism from the standpoint of the concept of performativity. The author shows that the contradiction between the disinterested knowledge of the world and the interested action in society is generated by the traditional understanding of knowledge as a justified belief. The author discusses the so called performative conception of science, which gains many adherents in STS and replaces the standard concept of science. It is shown that when studying science as practice, the paradoxes of scientific activism are revised, because the rigid boundary between knowledge and action, science and values is removed.

Keywords: scientific activism, public policy, performativity, practice, knowledge, standard conception of science, public good

А.Ю. Антоновский и Р.Э. Бараш поднимают очень актуальную тему взаимоотношения науки и общественной политики. Эта тема многократно исследовалась современными авторами, и, в особенности, теми, кто принадлежит к кругу STS (science and technology studies) [Kasavin, 2015; Aronovitz, 1988; Ben-David, 1991; Clemens, Cook, 1999; Fischer, 2000; Frickel, Moore, 2006; Hoffman, 1989; Kleinman, 2000; Star, 1996]. Александр Юрьевич и Раиса Эдуардовна избирают собственную перспективу. Они делают предметом размышлений не только внешние отношения науки и политики, но и сами институциональные и ценностные структуры, оформляющие науку и обществен-

ную политику, и анализируют то, как эти структуры проникают друг в друга и какие социальные и эпистемологические последствия влечет за собой это проникновение.

Подход Антоновского и Бараш может быть обозначен как системно-структурный. Авторы сталкивают друг с другом науку и общество, утверждая, что попытки ученых навязать остальным стандарты коммуникации, принятые в научном сообществе, приводят к теоретическим парадоксам, которые, однако, разрешаются практически. Действительно, современные реалии жизни научного сообщества (и не только в России) таковы, что ученые вовлечены в общественную политику. Причем вовлечены не только извне, выступая поставщиками знания о реальности, которая используется для обоснования властных амбиций тех или иных политических сил (которые ранее апеллировали к Богу, а теперь к устройству мироздания), но и изнутри собственного сообщества. Если для Платона философы (они же ученые) являлись прежде всего носителями знания об идеальном государстве и играли охранительную роль «стражей идеального», если для Лондонского королевского общества связь науки и политики дискредитировала науку [Kasavin, 2015, p. 533], то сегодня мы видим, что ученые все чаще покидают «башню из слоновой кости», чтобы озвучить и реализовать намерения практического субъекта, человека действия, а не созерцания.

Политический активизм ученых, направленный вовне, за пределы научного сообщества, действительно, приводит к парадоксам, которые Антоновский и Бараш убедительно вскрывают. Если автономия и авторитет науки основаны на созерцательном характере научного метода, который отделяет «людей знания» от «людей действия», то попытка науки выйти за собственные пределы в область теоретической и практической политики означает либо разрушение этой автономии, либо ее конкуренцию со столь же автономными, санкционированными традицией, внеучными общественными институтами и дискурсами.

Антоновский и Бараш связывают этот парадокс научного активизма с парадоксальным устройством самого научного этоса, который, с одной стороны, основан на требовании «организованного скептицизма» (Р. Мертон), или фальсификационизма (К. Поппер), а с другой, – на объективности, всеобщности и необходимости (универсальности) научного метода и полученных посредством этого метода теоретических результатов. Иными словами, с одной стороны, наукой управляет скептицизм, а с другой – абсолютизм и фундаментализм. И в том, и в другом случае научные коммуникативные принципы не могут служить общественному согласию, потому что идут в разрез с нормами и идеалами общественного согласия, с идеалами либерализма. Авторы видят практический выход из данных парадоксов в

реальных примерах научного активизма (протестного движения ученых в современной России), который одновременно концентрируется «вокруг стандартных научных тем», стилизуется «под общезначимые переживания объективной реальности», выражая «когнитивную установку», и представляет собой политическую активность, или «сцепление реальных действий», т. е. «выражает нормативную установку» (Антоновский, Бараш).

Выбранные авторами эмпирические примеры разрешения парадоксов научного активизма, конечно, показывают то, как ученые пытаются «сидеть на двух стульях», т. е. оставаться незаинтересованными наблюдателями реальности и выступать за восстановление (или изменение) нарушенных общественных норм. Но примеры не объясняют, почему это все же оказывается возможным. С моей точки зрения, данные примеры могут быть дополнены более общими рассуждениями относительно современного научного активизма, которые, возможно, отчасти объяснят его успех. Успех его состоит не в том, что ученые приобретают какие-либо конкретные политические выгоды и добиваются желаемого (например, увеличения государственного финансирования), а в том, что бенефициарами научного активизма становятся одновременно и ученые, и обычные граждане.

Я думаю, что парадоксы научного этоса во многом определяются положениями так называемой стандартной концепции науки, которая, в свою очередь, строится на представлении о знании как об обоснованном (верифицируемом) убеждении. Это представление о знании ориентировано прежде всего на пропозициональное знание, на знание фактов. Даже фальсификационизм Поппера строится на знании фактов, которые в качестве контрпримеров, утверждающих определенное положение дел, опровергают предшествующие теории. По признанию многих философов науки нашего времени, такое понимание знания слишком заужено, поскольку не включает в себя целый ряд иных широко распространенных видов знания, прежде всего, это касается знания-умения, **know-how**. **Практическое знание, или знание-умение**, не может быть верифицировано или фальсифицировано на основании фактов, оно обладает иной структурой. Оно телесно и направлено вовне, на достижение определенных целей с помощью тех или иных материальных средств (орудий труда). В его основе лежит принцип обратной связи, т. е. оно корректируется откликом той среды или того материала, на которые оно воздействует. Кроме того, практическое знание обладает выраженным коллективным характером, ведь потребности, на удовлетворение которых оно направлено, присущи в той или иной степени всем людям и в значительной мере сформированы общественными отношениями. Мы можем признать коллективный характер и пропозиционального знания. Так, «организованный скептицизм» Мертона указывает на коллективность. Но эта

коллективность предстает как собрание индивидов, каждый из которых наблюдает факты в одиночестве посредством собственных органов чувств, чтобы потом сообщить об этом другим членам коллектива («сверить показания»). Коллективный характер практического знания имеет иную природу. В этом случае коллективность обладает конститутивным значением, поскольку задает общие параметры практической деятельности.

В сегодняшней философии науки и междисциплинарных «исследованиях науки и техники» практическому знанию уделяется гораздо больше внимания, чем раньше. Возникают даже отдельные философские направления (например, «Стэнфордская школа философии науки», с которой связывают имена Нэнси Картрайт, Джона Дюпре, Питера Галисона, Яна Хакинга), утверждающие, что знание-умение лежит в основе научного знания и развития науки, что наука не столько познает, сколько создает (конструирует) реальность, наподобие того, как инженеры создают новые технические устройства, что наука имеет дело не с миром-как-он-есть-на-самом-деле, а с инструментально препарированной реальностью. Такой взгляд на науку во многом оправдан. Во-первых, он является нормальной реакцией на очевидные сейчас перекосы стандартной концепции в сторону индивидуализма и интеллектуализма. Во-вторых, он позволяет лучше понять действительное многообразие науки и ее вовлеченность в культуру (в частности, в материальную культуру), которые плохо вписывались в стандартную концепцию.

Для описания взгляда на науку как преимущественно на практику Эндрю Пикеринг ввел термин «перформативная идиома» (ПИ), которая должна заместить «репрезентационную идиому» (РИ) стандартной концепции [Pickering, 1995, p. 5–7]. Если РИ полагает, что научное знание отражает природу, то ПИ рассматривает науку как «поле сил, способностей и действий... материальных акторов» [Pickering, 1995, p. 7]. «Перформативный поворот», осуществленный исследованиями науки и техники, (STS), позволяет иначе взглянуть на проблему научного активизма. М. Каллон и Д. Маккензи распространяют идею перформативности (восходящую к лингвистической философии Джона Остина, к его анализу высказываний, которые равносильны осуществлению действия) на социологию познания. Например, Маккензи утверждает, что экономическая теория не описывает или объясняет механизмы рынка и иные экономические феномены, а создает их [MacKenzie, 2006]. Каллон считает, что так обстоит дело во всех прочих науках, включая и те, которые, на первый взгляд, объясняют мир из внешней позиции, как классическая механика. Любое, и в особенности научное знание разворачивается в форме социо-материальных практик, которые локальны [Callon, 1994] и включают в себя обязательную эмпирическую транспортировку научных утверждений

за пределы лаборатории в виде вещей и действий, которые репрезентируют эти утверждения и отсылают к ним. Изолированное от социоматериального окружения научное утверждение не имеет ни силы, ни значения. Парадоксально, но наука нуждается в обществе для самообоснования и для защиты своей автономии. Поэтому, с точки зрения сторонников идеи перформативности, наука неотделима от общества, политики, социальных ценностей и норм. Парадокс состоит не в том, что наука навязывает обществу свои коммуникативные стандарты, а в том, что те стандарты, которые наука выдает за «свои», на самом деле принадлежат обществу. Общество ожидает от науки выполнения определенных норм и правил (научного этоса) – непредвзятости, объективности и т. п., но общество также ожидает, что эпистемические стандарты и добродетели приведут к политическим последствиям, к улучшению общественного устройства. Общество навязывает ученым активизм, благодаря которому (а не вопреки) наука приобретает эпистемические добродетели. Очевидно, что даже общественный запрос на деполитизацию науки представляет собой форму общественной политики и имеет политические последствия.

С темой научного активизма тесно связан вопрос о том, можно ли считать науку общественным благом. По этому вопросу в последние десятилетия в STS развернулись дискуссии [Callon, 1994]. В перспективе ПИ знание-умение можно считать общественным благом, но сама концепция общественного блага при этом должна быть понята несколько иначе, чем в классической экономической теории. Поскольку знание-умение неотделимо ни от политики, ни от рыночных отношений, говорить о том, что оно избегает коммерциализации, не представляется возможным. Сторонники ПИ находят другое объяснение. Каллон утверждает: «Наука является общественным благом, но отнюдь не по причине своих внутренних качеств, а лишь потому, что она есть источник социального разнообразия и изменчивости» [Callon, 1994]. Подход еще одного сторонника ПИ, Ханса Раддера, скорее, нормативный. Раддер полагает, что любое научное знание (информационное, а также знание-умение) является общественным благом, когда удовлетворяет двум условиям: 1) оно неисчерпаемо и 2) оно отвечает общественным интересам [Radder, 2017].

Таким образом, мы можем заключить, что перформативная концепция науки снимает жесткую границу между знанием и действием, наукой и ценностями, что позволяет относительно непротиворечиво объединить научный активизм и научный этос на уровне теоретических рассуждений. Что же касается практики, то, как показывают Антоновский и Бараш, научный активизм и научный этос образуют вполне реальные фигуры взаимодействия.

Список литературы

Kasavin, 2015 – *Kasavin I.T.* Philosophy of Science: Political Turn // Herald of Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 85. No. 6. P. 533–541.

Aronovitz, 1988 – *Aronowitz S.* Science as Power: Discourse and Ideology in Modern Society. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1988. 384 p.

Ben-David, 1991 – *Ben-David J.* Scientific Growth: Essays on the Social Organization and Ethos of Science. Berkeley: Univ. of California Press, 1991. 591 p.

Callon, 1994 – *Callon M.* Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // Science, Technology and Human Values. 1994. Vol. 19. No. 4. P. 395–424.

Clemens, Cook, 1999 – *Clemens E.S., Cook J.M.* Politics and Institutionalism: Explaining Durability and Change // Annual Review of Sociology. 1999. Vol. 25. P. 441–466.

Fischer, 2000 – *Fischer F.* Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge. Durham, NC: Duke Univ. Press, 2000. 352 p.

Frickel, Moore, 2006 – *Frickel S., Moore K.* Prospects and Challenges for a New Political Sociology of Science // The New Political Sociology of Science: Institutions, Networks, and Power / Ed. by Frickel S. and Moore K. Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 2006. P. 3–31.

Hoffman, 1989 – *Hoffman L.M.* The Politics of Knowledge: Activist Movements in Medicine and Planning. Albany: State Univ. of N. Y. Press. 312 p.

Kleinman, 2000 – *Kleinman, D.L.* (ed.). Science, Technology, and Democracy. Albany: State Univ. of N. Y. Press, 2000. 184 p.

MacKenzie, 2006 – *MacKenzie D.* An Engine, Not a Camera. How Financial Models Shape Markets. N. Y.:The MIT Press, 2006. 377 p.

Pickering, 1995 – *Pickering A.* The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995. 296 p.

Radder, 2017 – *Radder H.* Which Scientific Knowledge Is a Common Good? // Social Epistemology. 2017. Vol. 31. No. 5. P. 431–450.

Star, 1996 – *Star S.L.* (ed.). Ecologies of Knowledge: Work and Politics in Science and Technology. Albany: State Univ. of N. Y. Press, 1996. 434 p.

References

Aronowitz, S. *Science as Power: Discourse and Ideology in Modern Society*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 384 pp.

Ben-David, J. *Scientific Growth: Essays on the Social Organization and Ethos of Science*. Berkeley: University of California Press, 1991. 591 pp.

Callon, M. “Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993”, *Science, Technology and Human Values*, 1994, vol. 19, no. 4, pp. 395–424.

Clemens, E. S., Cook J. M. “Politics and Institutionalism: Explaining Durability and Change”, *Annual Review of Sociology*, 1999, vol. 25, pp. 441–466.

Fischer, F. *Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge*. Durham, NC: Duke University Press, 2000. 352 pp.

Frickel, S., Moore, K. “Prospects and Challenges for a New Political Sociology of Science”, in: S. Frickel and K. Moore (eds.). *The New Political Sociology of Science: Institutions, Networks, and Power*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006, pp. 3–31.

Hoffman, L. M. *The Politics of Knowledge: Activist Movements in Medicine and Planning*. Albany: State University of New York Press. 312 pp.

Kasavin, I. T. “Philosophy of Science: Political Turn”, *Herald of Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 85, no. 6, pp. 533–541.

Kleinman, D. L. (ed.). *Science, Technology, and Democracy*. Albany: State University of New York Press, 2000. 184 pp.

MacKenzie, D. *An Engine, Not a Camera. How Financial Models Shape Markets*. The MIT Press, 2006. 377 pp.

Pickering, A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 296 pp.

Radder, H. “Which Scientific Knowledge Is a Common Good?”, *Social Epistemology*, 2017, vol. 31, no. 5, pp. 431–450.

Star, S. L., ed. *Ecologies of Knowledge: Work and Politics in Science and Technology*. Albany: State University of New York Press, 1996. 434 pp.

ПАРАДОКС МЕРТОНА-ПОППЕРА В СВЕТЕ «МАТЕРИАЛИЗАЦИИ» РАЦИОНАЛЬНОСТИ В НАУКЕ

Тухватулина Лиана Анваровна – младший научный сотрудник. Институт философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: spero-meliora@bk.ru

Автор обсуждает значение парадокса Мертона-Поппера о несовместимости идеи социально ориентированного научного этоса и принципа фальсификационизма. Автор полагает, что обоснование морального авторитета науки не должно зависеть от способов разрешения этого парадокса. Предлагается использовать понятие материальной рациональности (М. Вебер) для обоснования идеи социальной легитимации науки. Также особое внимание уделяется рассмотрению экспертизы в качестве особого модуса репрезентации научного знания, способствующего укреплению общественного авторитета науки.

Ключевые слова: наука, легитимация, Мертон, Поппер, Вебер, экспертиза, рациональность

MERTON-POPPER'S PARADOX AND THE SUBSTANTIVE RATIONALITY OF SCIENCE

Liana A. Tukhvatulina – junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: spero-meliora@bk.ru

The author discusses the meaning of the paradox, which rises as a result of the controversy between the principles of scientific ethos (R. Merton) and fallibilism (K. Popper). She argues that the justification of the moral authority of science should not depend on this paradox. The author uses Max Weber's concept of substantive rationality to consider the idea of social legitimation of science. She argues for understanding expertise as a special mode of scientific knowledge which aims at justifying the authority of science in the society.

Keywords: science, legitimation, Merton, Popper, Weber, expertise, rationality

Одним из главных мотивов статьи А.Ю. Антоновского и Р.Э. Бараш является рассмотрение парадокса Мертона-Поппера об этосе науки. Своеобразие этого парадокса заключается, следуя авторам, в конфликте между ценностями открытости, беспристрастности, фальсифицируемости научных высказываний, с одной стороны, и идеей заведомой «достоверности самого этоса науки» – с другой. Иными словами, ученые, поднимая на щит либеральные принципы научного поиска, словно забывают усомниться в универсальности и непогрешимости самих этих принципов. Следствием подобного рода «забывчивости» оказывается превращение оснований научного дискурса в догму или идеологему. При этом наука, сохраняя монополию на «истину» (или, словами Н. Лумана, оперируя бинарным кодом «истина/ложь»), обладает особым рода когнитивным верховенством по отношению ко всем остальным областям человеческой деятельности. И потому, расширяя собственные установки вовне, релятивизирует основания

социального порядка и оказывается «социально-дестабилизирующим элементом». В этой связи особенно остро звучит поставленный авторами вопрос о том, совместима ли лучшая познавательная и наблюдательная способность ученого с его притязанием на моральную правоту в вопросах общественного устройства?

В этой формулировке вновь актуализируется проблема легитимности науки в современном мире. Сам Р. Мертон полагал, что те новые технологии, что создала наука XX в. (главным потрясением, разумеется, была атомная бомба), вынуждают «ученых признать свою зависимость от особых типов социальных структур» [Мертон, 2006, с. 767] и покинуть, наконец, «башню из слоновой кости». «Институт, подвергшийся нападению, должен заново оценить свои основания, переформулировать свои цели, найти свое рациональное оправдание. Кризис призывает к самооценке. Ныне, столкнувшись с вызовом, брошенным их образу жизни, потрясенные ученые погрузились в состояние острого самоосознания: осознания самих себя как неотъемлемой части общества с соответствующими обязательствами и интересами» [там же]. Любопытно, что при этом наука на новом витке как бы возвращается к задаче самообоснования, что стояла в пору ее зарождения в XVII в. «Три века тому назад, когда институт науки мог претендовать лишь на скромную независимую гарантию социальной поддержки, натурфилософам точно так же приходилось оправдывать науку как средство достижения культурно узаконенных целей экономической полезности и прославления Бога. Занятия наукой не были в то время самоочевидной ценностью» [Мертон, 2006, с. 768].

Мне представляется, что необходимость современной «ре-легитимации» науки успешно может быть обоснована через идею М. Вебера о размывании «формальной» рациональности во всех областях человеческой деятельности и постепенном переходе к рациональности «материальной». Будучи сугубо «технической», формальная рациональность обеспечивает «нормативную замкнутость» науки, т. е. фиксирует те самые институциональные основания (в терминах Мертона – «этос науки»), которые являются специфичными только для нее. При этом именно последовательное развитие этого типа рациональности способствует самой главной цели – «расколдованию мира». По сути, «формальная рациональность» – это более строгий концептуальный аналог метафоры «башни из слоновой кости». При этом динамика исторического процесса (динамика капитализма) такова, что разрастание связей и взаимозависимостей между различными областями приводит к нарушению их автономии. В свою очередь, герметичная формальная рациональность все больше «материализуется» (в ней наравне с принципами ее «нормативной замкнутости» обосновываются внешнесоциальные ценностные ориентиры деятельности).

Одним из главных эпистемологических проявлений этого процесса является развитие междисциплинарности. Характерно, что ведущие ученые и сегодня сходятся во мнении, что идея «ученого-ракетчика» (еще одна вариация на тему «башни из слоновой кости») должна отмереть: «“Ученый-ракетчик” стоит вне общества, застыв на заоблачных высотах. Популярное и часто повторяемое клише отражает общественную удовлетворенность тем фактом, что наука развелась с повседневным опытом. Кlišе проводит границу (ярко сияющую линию) между ученым и кем бы то ни было еще. Это гонится для популярного кино и телевизионных шоу, но на самом деле это коварная вещь. Искусственно воздвигнутые барьеры ведут к изоляции. Они фокусируют внимание на различиях и разграничениях. Однако быстрый научный прогресс питают как раз взаимодействие и совместные процессы – идет ли речь о системной биологии, эпигенетике, неврологии, исследованиях мозга, астрономии, медицине или квантовой физике. Сложные взаимосвязи характерны и для самых серьезных вызовов, перед лицом которых мы стоим: глобальных эпидемий, изменений климата, вымирания видов, истощения ресурсов – все эти проблемы представляют собой комплексы интегральных взаимосвязей» [Брокман, 2017]. Ученый, заходя в кабинет, сможет все реже «стряхивать с ног пыль повседневности» (А. Шюц), поскольку границы различения множественных реальностей все сильнее истончаются.

В этой связи можно сказать, что задача ре-легитимации науки становится своего рода эпифеноменом «материализации» ее рациональности. Так, наука вынуждена реагировать на вызовы скептиков и адептов разного рода антинаучных движений (гомеопатов, эзотериков, ВИЧ-диссидентов, противников вакцинации и ГМО, воинствующих сторонников нетрадиционной медицины, конспирологов всех мастей и пр.). Доступ к массмедиа позволил существенно расширить круг апологетов разного рода антинаучных убеждений, которые успешнее конкурируют с научными теориями в соответствии интуитивным предощущениям обывателя. И здесь важно, что ответная мера – популяризация науки (например, российские проекты ПостНаука и Arzamas) – не сводима к идее рыночной конкуренции научных теорий с псевдо – и антинаучными домыслами, где верховным арбитром оказывается некомпетентный потребитель. Напротив, за наукой должна быть безапелляционно признана «моральная правота», особенно когда дело касается тех областей, где невежество стоит человеческих жизней. Наука в праве рубить гордые узел парадокса Мертон – Поппера, дабы способствовать просвещению и борьбе с предрассудками, реализуя, в том числе и таким образом, свою «материальную» рациональность.

Кроме того, не стоит забывать об экспертизе как особом модуле социально ориентированного научного знания. Ученый, равно как врач, судья или священник, уже в силу одной только профессии при-

числяется к особому кругу «посвященных», чье мнение (зачастую даже по вопросам за рамками профессиональной компетенции) признается заведомо авторитетным и в высшей степени легитимным. Здесь стоит только вспомнить о едва ли не магической перформативной силе заголовка газетной статьи «британские ученые доказали х», где х, по сути, может быть совершенно произвольной переменной.

Однако в связи с обсуждаемым парадоксом Мертона–Поппера наиболее любопытно то, что экспертное знание – это та форма общественной самопрезентации науки, которая заведомо не предполагает возобновляющейся методологической рефлексии над собственными основаниями. Ведь, с одной стороны, понимание этих самых оснований требует узкоспециальных компетенций, которых не может быть у широкой аудитории. Но важнее то, что сама эта аудитория, скорее, ждет от эксперта рецептурного знания в форме, очищенной от всяких методологических ограничений. По-видимому, «рецептурность» экспертного знания и является одним из главных его зол, что зачастую очерняет репутацию публичных интеллектуалов и экспертов в глазах «кабинетных» и особенно «лабораторных» ученых. Однако, если веберовское предположение относительно нарастающей «материализации» рациональности в науке верно, то, по-видимому, заинтересованность общества в экспертном знании будет нарастать, а потому его обоснование будет оставаться одной из насущных задач эпистемологии.

Список литературы

Брокман, 2017 – Брокман Дж. Эта идея должна умереть. Научные теории, которые блокируют прогресс. М.: АСТ, 2017. 436 с. URL: <https://www.litres.ru/sbornik/eta-ideya-dolzha-umeret-nauchnye-teorii-kotorye-blokiruyut-progress/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 14.03.2018).

Мертон, 2006 – Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 837 с.

References

Brockman, J. *Eta ideya dolzhna умерet*. *Nauchnye teorii, kotorye blokiruyut progress* [This idea must die: scientific theories that are blocking progress]. Moscow: AST, 2017. 436 pp. [<https://www.litres.ru/sbornik/eta-ideya-dolzha-umeret-nauchnye-teorii-kotorye-blokiruyut-progress/chitat-onlayn/page-2/>, accessed on 14.03.2018] (In Russian)

Merton, R. K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST: Khranitel', 2006. 837 pp. (In Russian)

О КРИТИКЕ ПРОТЕСТА. ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Антоновский Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: antonovski@hotmail.com

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник. Институт социологии РАН. Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; e-mail: raisabarash@gmail.com

ON THE CRITIQUE OF PROTEST. REPLY TO CRITICS

Alexander Yu. Antonovski – DSc in Philosophy, leading research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: antonovski@hotmail.com

Raisa E. Barash – PhD in Political Science, senior research fellow. Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 24/35 Krzhizhanovsky St., 117218, Moscow, Russian Federation; e-mail: raisabarash@gmail.com

Мы с большим интересом и благодарностью ознакомились с аргументами коллег, откликнувшимися на нашу статью. В этой связи нам показались заслуживающими внимания соображения О.Е. Столяровой: «Примеры не объясняют, почему становится возможным» появление сообщества с особой бинарной – деятельно-созерцательной позицией. В ответ мы можем сказать, что примеры таких «странных» сообществ имеют и теоретическое значение: поскольку косвенно указывают на то, что существует, мыслительный ход, который еще не обнаружен.

При этом можно согласиться, что ученые, действительно, как никто другой, способны к калькуляции издержек и выгод, которые приносит реализация научного проекта и для общества, и для самой науки. И тогда действительно можно обнаружить некую общую или даже абсолютную перспективу, связывающую научное сообщество и сообщества вне науки. Наука, как наблюдатель второго порядка, фиксирует то, что «выгодно» ей и «выгодно» наблюдателю первого порядка. В этом смысле оксюморон «научной ценности релятивизации всех ценностей» утрачивает свою парадоксальность. Этот релятивизм как базовая ценность науки постулируется теперь как некий *общей интерес* и общества, и науки. И если первичному наблюдателю, обычному гражданину, так не кажется, то тем хуже для него. Поскольку его несогласие с прогрессом науки в этом смысле предстает следствием ограниченности его наблюдательной перспективы, за которую он не может выйти и не распознает поэтому своих истинных выгод.

И все-таки даже это предложенное Столяровой понимание ученого, который в своем активизме калькулирует собственные и общественные выгоды и обнаруживает некую «общую полезность», как нам кажется, не решает проблемы. Ведь в этом случае наблюдения ученого понимается как нечто принципиально недостижимое для наблюдателей первого порядка, что в свою очередь опять разрушает принцип демократизма, который, – по крайней мере, по его собственным заявлениям и убеждениям, – воплощает научное сообщество.

Кроме того, такое понимание научной реконструкции и обоснования общих ценностей в известной мере девальвирует все ценности и «скрепы», которые получают свою «валюативную силу», что не могут быть ни обоснованы, ни опровергнуты, ни скорректированы, не трансформированы в процессе коммуникации.

Другой аргумент Столяровой кажется нам более глубоким. Она утверждает, что парадокс возникает лишь применительно к *пропозициональному* знанию, т. е. такму, который выражен в предложениях, допускающих распределение знания на истинностные и ложные значения. Действительно, если знание понимать шире, допустить в него другие качества, помимо стандартных, истинности, обоснованности и личной убежденности, и понимать его лишь как *рецепт успеха*, как то, что имеет *предсказательную* силу (неважно, насколько истинны сами предложения), и особенно, (добавим от себя) коллективный характер. В этом случае парадокса «ценности фальсификации ценностей» действительно не возникает, ведь такое знание не требует никакой фальсификации как важнейшего условия его развития. Такое *перформативное* знание и в принципе не может фальсифицироваться с точки зрения истинности, но лишь, в крайнем случае, с точки зрения подтверждения прогноза, с точки зрения общего признания членами коллектива.

Правда, всегда можно сказать, что если прогноз не подтвердился, виновато не знание, а некий неизвестный препятствующий фактор. «Танцор *знает*, как танцевать, но сегодня у него что-то болит». Рецептурная успешность как критерий знания-умения в этом смысле действительно «весит» больше его истинности в силу его банальной тавтологичности. Успешно, то считается успешным, а результативным то, что приносит результат, а коллективно то, что разделяет коллектив. И в этом смысле ничто не мешает работать с ложным научным знанием, например, с понятием «флогистоном», ведь он «успешно» соединил три объяснительные функции – окисление, дыхание, горение.

А «коллективность» как четвертый признак знания (в дополнение к трем стандартным признакам *истинности, убежденности, обоснованности*) действительно мог бы помочь разрешить обсуждаемый в нашей статье парадокс. Ведь именно коллективный характер связывает тот или иной тип знания с некоторым заданным стандартом скепсиса и соответственно типом наблюдения.

Тогда *религиозное знание* являлось бы *коллективным* знанием с очень низким стандартом скепсиса. Ведь оно утверждает в высшей степени невероятную, но все же логически допустимую возможность существования некоего «омnipotentного создателя-наблюдателя». Это знание требует некоторого минимального фальсификационизма (фальсификационистские процедуры удостоверения чудес, святости, соответствия священным текстам и т. д.). Такие процедуры фальсификации ценностей вполне и сами могут претендовать на статус сплывающих ценностей для данного стандарта (религиозного) наблюдения мира. Ведь отрицание ложных чудес, ересей, ложных интерпретаций лишь утверждает солидарность религиозного сообщества.

В этом смысле и *научное знание*, конечно, характеризуется более высоким коллективным скептическим стандартом, но он, безусловно, не соответствует подлинному фальсификационизму. Ведь такая научная фальсификация (в том числе и ценностей) характеризует лишь *пафос* ученого сообщества, но никак не саму коллективную научную практику¹, а поэтому наш парадокс опять не возникает. Ведь, как оказывается, и сами ученые вовсе не придерживаются собственных разрушающих и все-релятивизирующих установок. Так, ученый, в отличие от философа, в своих опытах с *реальностью* почему-то не склонен учитывать (пусть в высшей степени невероятную, но все же логически допустимую) возможность существования всемогущего экспериментатора, держащего мозги этого ученого в бочке и проецирующего в него сконструированный им образ этой внешней реальности.

Наконец, *философское знание* – в высшей степени критично, поскольку с точки зрения этого коллективного стандарта наблюдения, не считается подлинным знанием даже и *научное* знание, ведь оно постулирует нечто как истинное, не учитывая все возможности и вероятности ошибки.

И конечно, знание из одной наблюдательной перспективы не может опровергнуть знание из некоторой другой. Так, ученый не может сказать, что религиозное знание не является истинным. Максимум, что он может заявить, это то, что религиозное знание не является научным знанием, поскольку не удовлетворяет тем скептическим стандартам наблюдения, которые приняты в *научном коллективе*.

В этом случае не-пропозиционального понимания знания ученый, безусловно, не способен навязать другим сообществам, никакой *абсолютной ценности релятивизма ценностей*. Напротив, он вынужден признать, некоторую особенную правоту и другого стандарта коллективного знания. Ведь и его собственный стандарт нельзя назвать гиперкритичным, например, в сравнение с наблюдением философов.

¹ Вспомним, пример Лакатоса против критерия фальсификаций: данные об орбите движения Меркурия вступили в противоречие с законами Ньютона, но никто от них не отказался.

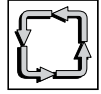
Наконец, мы, безусловно, должны согласиться с конструктивистским тезисом Столяровой и примкнувших к ней Пиккеринга и Маккензи. Этот тезис утверждает, что вовсе не репрезентационизм (и связанная с этим созерцательность, т. е. переживательный, а не деятельностный характер науки) характеризует научную практику и коммуникацию. Мы соглашаемся и с тем, что коммуникативные стандарты, которые наука навязывает обществу, принадлежат не ей, а этому обществу. И в этом смысле наш парадокс вновь оказывается разрешенным. Ведь наука навязывает обществу лишь то, что общество через оптику науки навязывает самому себе, и само попадает в ловушку самореферентности².

Однако, признавая это решение парадокса Столяровой апеллирующей к коллективному знанию-умению, мы все-таки остаемся на уровне практического разрешения теоретического парадокса. Действительно, представление о науке как о практическом *знании-умении* практически фальсифицирует и сам наш теоретически формулируемый парадокс. Проблема лишь в том, что тезис О.Е. Столяровой фальсифицирует и саму ценность фальсификации в научной практике, а значит, и фальсифицирующее значение тезиса О.Е. Столяровой становится ничтожным.

Возражения А. Костиной сводятся к тому, что развитие науки связано и с самофинансированием, а значит, университет (и исследовательский институт) выступает неким аналогом бизнес-корпорации. Причем корпоративность, по мнению, Костиной, восходит к средневековому устройству университета. На это хочется возразить, что современный университет, с точки зрения коммуникативной теории, все-таки является не корпорацией, а организацией. Корпорация (цех) предполагает пространственно-временное регулирование всех сфер производства (прежде всего, его ограничение), жесткую иерархию и ограниченные возможности переходов учеников в мастера, из студентов в профессора. Классический университет как раз и возникает в процессе борьбы со своим цеховым устройством. Цеховая автономия не предусматривала и не предполагала никаких личных свобод.

Более уместно сравнить университет как организацию с бизнес-предприятием как организацией. Критика Костиной направлена на то, что научный протест, представляющий в виде движения, а не организации, не способен решить самопровозглашаемые задачи, поскольку он не говорит с противоборствующими сторонами на одном языке. С этим мы согласимся, тем более что и в заглавном тексте мы утверждаем, что протест вообще не призван решать поставленные им задачи и проблемы. Он их создает, ставит, высвечивает, придает им реле-

² Мы видим источник этого парадокса в том, что наука все-таки остается коммуникацией, и в этом смысле, выдлившись из общества, остается обществом (общества).

О КРИТИКЕ ПРОТЕСТА. ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

вантность, и указывает гранд-системам – науке, политике, хозяйству на то, что они сами – в силу своей системно-ограниченной оптики – увидеть не в состоянии.

Л.А. Тухватулина, вслед за Вебером, справедливо указывает на то, что наука не только не должна навязывать свои типы общения другим сообществам, но и сама требует ре-легитимации, и как следствие, должна отказаться от притязаний на свое выделенное положение. Для этого ей следует трансформировать свои наблюдательные инструменты: превратить «формальную рациональность» в «рациональность материальную» – такую, которая была бы совместима и с другими типами рациональности. Соглашаясь с этим, хотелось бы возразить на тезис оппонента о легитимации притязаний науки ссылкой на значимость профессии ученого: «ученый, равно как врач, судья или священник, уже в силу одной только значимости профессии причисляется к особому кругу “посвященных”, чье мнение признается заведомо авторитетным и в высшей степени легитимным».

Наш аргумент в том, что некоторые научные дисциплины, прежде всего фундаментальные, но также и эпистемология, не укоренены в обществе «профессионально», «экономически» или «политически». Так, на эпистемологию не поступает функционально определенного заказа из внешнего мира науки – других социальных систем. Ведь она не отвечает ни внешней образовательной потребности (как например, педагогика, филология), ни общественным требованиям, связанным с профессиями (математика, физика, инженерное дело). У общества нет запросов на анализ пространства, времени, бытия, причинности и других традиционных предметов философских спекуляций.

А.А. Аргамакова полагает, что «нормы и ценности науки не вне-рациональны». С этим аргументом со времени Вебера уже никто и не спорит, поскольку за ценностями закреплена автономная сфера ценностной рациональности. Другой аргумент мне представляется более разрушительным. Его суть сводится к тому, что нормы научности закрепляются в практике ученых по соображениям процедурной эффективности для получения достоверного научного знания. Это-де не императивы, это – целесообразные максимы. Как это понимать? То есть в некоторых ситуациях, если какому-то ученому, или группе исследователей, покажется это целесообразным, он мог бы отказаться от научной рациональности в пользу политического популизма; мог бы отказаться от децентрализованной научного исследователя в пользу внешнего контроля над его исследованием со стороны госорганов? от притязания на всеобщий характер своего высказывания в пользу утверждения, которое угодно партийному начальству? Мог бы он отказаться от того, чтобы его научная репутация не формировалась на основе его научных достижений? Согласился бы с тем, чтобы ученые звания и степени присуждались путем политических решений? Даже

трудно выдумать гипотетическую ситуацию, в которой должна была бы оказаться наука, где такой процедурный порядок выказывал бы целесообразный характер.

Впрочем, на это есть и теоретический ответ, касающийся коммуникативного значения «этоса» как некоего реестра императивно значащих ценностей. Ведь ценности (справедливости, равенства, веры, свободы, чистоты и т. д.) дефинитивно запрещены к обсуждению, и в этом смысле действительно недоступны для рационализации, что не исключает, что сами они определяют рациональность ориентирующейся на них коммуникации. Ведь ценности только и получают свой локально-интегрирующий смысл за счет молчаливого признания их абсолютного значения. И как только мы начнем рационализировать ценности, то свобода окажется понятийно неопределимой и парадоксальной, вера потребует обоснования, чистота окажется не столь уж и целесообразной, поскольку уничтожает защитную флору, а справедливость окажется у всех разной. Непонятно, почему ценности, объединяемые в рамках научного этоса должны выходить за пределы этого общего понятия ценностей.